

Глава четвертая. К морю.

Удар под дых наткнулся на непреодолимую стену. Противник даже не шелохнулся, словно весил под несколько тонн, но вот руку агента прострелило болью. Это обернулось небольшим шоком для мужчины: подобного не было со времен начальных тренировок, ведь оттачивающие свое мастерство с самого раннего детства, все рядовые агенты отделений Сайфер Пол могут навывлет пробивать бревна ударами не то что рук – пальцев! А некоторые, входящие как раз в меньшую часть, замахиваются даже на металлы, а то и сплавы. Лишь секундная заминка едва не стала для бедняги фатальной. В его глазах уже отражалась едкая ухмылка белокожего монстра, что заносил пустую ладонь для удара.

Всего лишь тычок. Легкое касание, с каким приятели могут хлопать друг друга по плечу... На деле – кривое, но от того не менее смертоносное исполнение продвинутого приема редкого стиля боя – рыбо-карате, от сильнейших атак которого попросту невозможно защититься, не имея тотального превосходства над соперником. Лишь уклониться. Такая атака наиболее эффективна в воде, где и зародился этот стиль, однако и на суше она может нести ужасные последствия. Смерть. Моментальная смерть от разрушения всех органов, попавших под поток воли врага.

Агент вновь ощутил это. Как на тренировках: тянущее чувство чуть где-то в груди, и следующий за ним резкий толчок назад. Будто кто-то незримый разом потянул сотню нитей, торчащих из всего тела бедняги, спасая то от опасности. В отличие от Одеска, что замер в нетерпеливом ожидании «чего-то», офицер Максимофф не захотел более терять своих коллег. И пусть никому из уже умерших он никак не мог помочь, но вот сейчас... сейчас появился шанс спасти подчиненного, и офицер тут же им воспользовался, полностью сосредоточив на себе внимание пришельца.

– Любопытно... – сипел тот, едва шевеля окаменевшими губами.

Быстрый мах рукой, и беднягу выдергивает из опасности, на большой скорости отправляя его тушку к ладони офицера, а после, повинувшись молниеносному движению, из другой руки мужчины вылетает двуцветный штырь... разогнанный до скорости пули. Совсем небольшой, длиной не больше ладони. Черный металл глубоко вонзился в одну из трещин на груди монстра, и лишь стальная ручка тускло поблескивала серебром. Максимофф облегченно выдохнул, но в тот же миг пораженно замер. Противник не свалился наземь обессиленным трупом, а всё так же стоял, слепя белизной своей кожи, да с интересом разглядывал обновку.

– Еще любопытней! Хм-м-м...

Раздался мерзкий скрежещущий звук, заставивший вздрогнуть всех. Джонс вытянул штырь из грудины, не проронив и капли крови. Не издав ни звука. Казалось, нападающие перестали для него существовать, и всё восприятие пирата заполнил черный наконечник снаряда.

Идеальный момент для атаки: враг отвлекся, явно принял расслабленную позу, пусть и не выходил из «защитного» режима. Но никто из рядового состава не спешил нападать. Они помнили быстрые смерти своих товарищей, они видели странные способности врага, и, самое главное, они понимали, что именно сжимает в руке противник. Не понимали, как такое вообще возможно и что нужно делать в этой ситуации, но не знающих об оружии офицера в его собственном же отряде не было.

– Это был кайросеки? – уточнил Одеска, не сводя взгляда с бледнокожего. Максимофф пораженно кивнул, – Надо было настоять на Бастер Колл... Кхм! Послушайте, мистер...

Джонс не обратил внимание на говорившего.

– Ла-адно... – усталым шёпотом, – Мистер безымянный. Вы понимаете, что вы находитесь на частной территории? Этот остров и все окрестные воды принадлежат Небесному Дракону – Святому Георгу. Незаконное вторжение сюда приравнивается к посягательству на собственность Святых, и карается по усмотрению пострадавшего, вплоть до смертной казни. Я готов закрыть глаза на этот инцидент... и отправить вас в центральную тюрьму, если вы сдадитесь добровольно и расскажете о способе проникновения на эту землю.

Слова давались капитану тяжело, но не из-за их содержания, а из-за их количества. Не привык Одеска помногу говорить. Тем не менее, преступник вел себя крайне странно. Он не обратил на капитана никакого внимания, даже не повернулся на голос. Напротив, мужчина спокойно разглядывал странный штырёк. Черную его часть. Иногда он прикрывал глаза, прислушиваясь к чему-то и всё время водил кончиками пальцев по неизвестному минералу.

– Холодит... и в то же время тёплый. Ни единого скола, и... какая мощь... как они этого добились? – только и слышался бубнёж.

– Послушайте. Драконы не станут вас казнить. Они заберут вас в рабство, запрут в клетку. Будут пытаться каждый день. Каждый час. Сломают, и отправят сражаться на арену, против таких же сломанных игрушек. Ваша жизнь станет адом. Таким, что даже последний уровень Адской Темницы покажется сказкой. Если вы согласитесь на мое предложение, вас не представят перед судом Драконов, а сразу сошлют в Импел Даун. Вы должны понимать всю выгоду такого предложения.

– Нет... – тихо просипел пират.

– Что?

– Нет! Я просто убью всех вас. Может... Да, оставлю парочку. Тебя и тебя, – Джонс отвлекся, наконец, от своего занятия, и поочередно указал на Одеска и Максимоффа.

– Идиот... – еле слышно прошептал Одеска, растворяясь в воздухе.

И в тот же миг недвижимый ранее пират полетел спиной вперед, в сторону моря. Лишь третий по счету ствол пальмы сумел остановить его полет, изрядно при этом накренившись. Остальные деревья, увы, оказались сломлены неожиданным снарядом.

Развивая успех, Одеска незримой тенью пролетел над полем битвы, едва касаясь земли. От его поступи влажные комья вздымались ввысь, и опадали неподалеку кусками дерна. Запах мокрой, словно после дождя, почвы распространялся по округе, неся с собой легкий клекочущий звук, знакомый всем оперативникам четвертого отделения Сайфер Пол. Капитан вступил в бой, и ничем хорошим для его противника это не кончится... каким бы странным он ни был.

Боль. Тупая боль в груди, по сравнению с которой удары о спину – ничто. Я слишком отвык от смертного тела, уже успев позабыть, какие муки способно оно испытывать. И пусть Богиня не поленилась напомнить мне о них, прежде чем отправить в эту сточную канаву, демонстрация ее оказалась... не столь вразумительной. Даже потеря конечности было ничем, по сравнению с атакой этой твари.

Не могу подняться. Энергия земли слишком плотная, слишком тяжелая... слишком непривычная к обращению. И пусть последние семь веков она слыла пристанищем моего сердца, но душа моя всегда принадлежала бушующим морям и необузданным ветрам! Я запер в своем сердце все клятвы и условности, похоронив их на суше, отчего так сложно теперь совладать с возлагаемой ими ношей. Справиться с неподъемным грузом земли. Сейчас же... Я врезался в дерево, сильно накренив ствол, и никак не могу подняться. Лежу на нем, как на ритуальном одре, и жду своей смерти. Снять защиту... против этих монстров – равносильно смерти. Даже ослабить ее, как раньше – не могу. Чертов мутант...

Мысль закончить не дала... птичья лапа, сомкнувшаяся на горле. Огромная птичья лапа. Вторая же конечность попыталась пробить сердце, но не сумела расковырять усиленную оболочку. Значит не зря ее держу... да только надолго ли меня хватит? Слишком уж отвык от этой энергии.

На мне восседала огромная серая сова, с кроваво-алыми глазами, пестрыми крыльями и мощными лапами с острейшими когтями на концах. И сейчас эта тварь пыталась вырвать мне сердце... или нет? Кажется, удар был направлен ниже. Успеха она не развила, пусть и пыталась, под яростный клекот ковыряя мою грудину, и вот, начала преобразовываться. Огрызок чьей-то души передавал прорву энергии носителю, к которому был привязан, а тот без затей поглощал ее, даже не фильтруя. Пускал в себя чужую суть, но не в попытках сожрать, а... просто так! Это не слияние, не симбиоз и не паразитизм... Просто чёрте что!

Круглая серая голова раздалась вширь. Из-за клюва показалась ротовая полость, полная бритвенно-острых клыков. Птичья грудная клетка также растянулась, обращаясь человеческой. Появились четырехпалые руки, снабженные когтями, а за спиной мутанта распахнулись громадные крылья.

- ГОВОРИ! – демоническим голосом рокотал он, – КАК ПОПАЛ НА ОТСТРОВ?! ОТВЕЧАЙ!

Сейчас чудовище стояло прямо на мне. Одной задней лапой – все такой же птичьей, – оно сжимало мое горло, а вторую возложило под сердцем, прекратив попытки вырвать то. Однако... Я чувствовал, как изменяется его душа. Как растягивается внешняя ее оболочка, приближаясь к физическому уровню. Один в один как у того придурка с катаной, только тот додумался растянуть ее еще и на свой меч! Неужели этих олухов никто не учил, что оболочка души должна быть твердой, как камень, а не тягучей, словно карамель? Иначе... Иначе можно будет сделать так!

Одеска честно пытался сдерживаться. Допросить пленника – сейчас главная задача. Но инстинкты хищной птицы били в голове набатом. Наждачкой проходились по ослабленному после применения Королевской Воли разуму, подтачивая тот. В полной форме он сразу атаковал, чтобы добить выведенного из строя врага, но, к своему удивлению, не смог пробить белую кожу ублюдка. Теперь же, в гибридной форме, он мог видеть три глубокие царапины на груди – след, от первого удара. Значит, пробить странную защиту этого типа возможно. Нужно лишь проявить усилие.

Попытка допроса, когда несмотря на смену формы, всё твоё естество жаждет вырвать своей жертве сердце, сожрать его, а после скормить птенцам потроха... бедные подчиненные Одеска, что всегда были ему словно дети... провалилась, не успев толком начаться. Как-то даже рефлекторно он напилал ногу волей вооружения, и уже замахнулся, целя когтем в одну из ран – ближайшую к сердцу, как ублюдок схватил его за лапу. Его рука вернула прежние фактуру и

цвет, и более не напоминала почву в глиняной пустыне, однако теперь вокруг его пальцев мелькали странные искажения. Кажется, они проходились по подушечкам, стесывая кожный покров.

Инстинкты молчали. Точнее, все так же жаждали крови жертвы, мешая при этом разуму, но опасности для себя человекоподобный совух не замечал. Шансов среагировать не было, и покрытые тягучей кровью, изогнутые словно когти хищной птицы... пальцы ублюдка с легкостью пробили усиленный волей кожный покров, плотно увязнув в кости.

- Ты!... - дикая слабость нахлынула вдруг. Дикая боль. - КХ... ХР...

Попытки вырваться ни к чему не привели. Мышцы словно свело спазмом. Все и разом, при этом, вопреки ощущениям, Одеска видел совсем иную картину. Он не застыл каменной статуей, но опал, словно вывалившийся из гнезда птенец. И ощущения крайне отличались от влияния кайросеки или морской воды - слабости всех фруктофиков. Там была вялость, совмещенная с онемением как при сильном холоде. Сейчас же - дикая боль, набатом орущая в голове, и источник ее - попавшая под удар нога. Словно какой-то яд,

- Ты... пкхр, - пират вернул своей коже былой цвет, и тут же пожалел об этом, когда один из подчиненных Одеска оказался за его спиной и наотмашь ударил недруга под лопатку, - КХА... - из легкого вышибло воздух, и вдохнуть второй раз уже не выходило.

Одеска видел лишь тусклую тень от луны. Для человеческого взгляда - ничто, но вот око совиное - другое дело. Однорукий силуэт за спиной вторженца - будущий старший офицер, умудрившийся освоить рокуоган второй своей техникой.

«Жаль, - отдаленно думал капитан, видя, как плавный, но достаточно быстрый поворот пирата, совмещенный с хлестким взмахом пустой руки, обезглавливает калеку, - Но с одной рукой он и так стал бесполезным. Рокуоган используется только лишь двумя».

- С вами весело, но у меня здесь появилось очень много очень срочных очень неотложных дел... - поспешно сообщил голый тип куда-то в сторону поляны.

Схватив парализованного за крыло, он на всей доступной скорости рванул в сторону моря. И с каждым шагом двигался всё быстрее и быстрее, а тело его окутывалось полупрозрачным маревом. Впереди мелькали деревья, с легкостью огибаемые пиратом... и спешащие обнять его ношу. Бедный Одеска, казалось ему, не пропустил ни одной пальмы. И будь то случайность, или же месть за недавний пинок - не важно. Капитан всё запомнит... и если выживет, то с огромным удовольствием посетит выступление голого бегуна в Колизее.

Энергия утекала. Я чувствовал это. Чем больше я использую мощь своей души, тем хуже себя ощущаю. Первая эйфория от встречи с Богиней сошла на нет, еще когда этот пернатый имбецил решил опробовать мое тело в роли пушечного ядра... ощущение лопающейся кожи и треска в костях способны даже беспробудного пьянчугу привести в чувства, что уж говорить о «банальном» оккультисте, перенасытившемся энергией высшего порядка?

Соображая здраво, сразу становится очевидным: зря я затеял эту игру. Нужно было бежать к морю и сматываться с острова. И пусть о своем выборе я не жалею, но это только пока... сломанные ребра, глубокое истощение и безумные головные боли, что начнутся сразу после лечения - ничтожная цена за собранные трофеи. Но заплатить ее придется, ведь на кону настоящие сокровища. Минерал, что несет в себе отпечаток Калипсо. Не саму суть ее силы, но

ее отголосок... не знаю, где эти олухи раздобыли подобное, и на кой черт создали из этого оружие, но точно знаю, как я этой штукой распоряжусь. Нужно, правда, избавиться от покрытого слизью металла, что обрамляет камень.

Мерзость редкостная. Чем-то напоминает порождение азиатских слизней, пока тех еще не истребили. Твари могли выделять едкую слизь, что накрепко связывала их тела с материальными предметами... А худшая – их королева, что делала то же самое, но на духовном уровне. Эх, Пекин еще долго не забудет мои попытки смыть с себя ту мерзость. Ведь что лучше всего очищает душу, как не приток дурной мощи от массовых жертвоприношений?

И вот такой дрянью было покрыто большинство придурков в черном. И этот мутант в белом – тоже. А источник... А источник, похоже, решил вернуть себе добычу. Слизь на теле мутанта напряглась, да и на металлической ручке «божественной» палочки – тоже. Напряглась, натянулась и с недюжинной силой потянула предметы обратно.

– Как же я рад, что полноценно освоил все направления.

Пусть немного непривычно, но постепенно, я возвращаю навыки «смертного» боя. Как же всё облегчается, когда твоя суть – бессмертный изуродованный монстр, чья душа стала гнилым болотом, местом незаслуженных смертей миллионов людских душ. И как же мне повезло, что все, кто мог позариться на душу такого монстра, были мною устранены до утраты разума. Боги, демоны, сильнейшие духи и просто чудовища... В старом мире остались лишь Вечные, вроде Калипсо, но какое им дело до мира смертных? Души им не нужны, подношения тоже. Не тот уровень...

Когда ты – самая здоровая акула в океане, нет никакой нужды в практиках и тренировках. Одного лишь факта бессмертия хватало для уничтожения любого противника... Хотя вот сердце защитить можно было и получше. Сейчас же приходится вновь вспоминать, как сражаются обычные люди. Как противостоят вземным чудовищам. Например... эта слизь, что всё тянет и тянет назад. Рано или поздно, я попросту не смогу ее пересилить. Она не поддается ни ветру, ни воде – слишком вязка и упруга, чтобы можно было ее разрезать или смести. Но вот огонь! О-о-о, огонь когда-то показал себя просто замечательно... но как же я ненавижу к нему обращаться!

«Распалить душу. Разжечь желание. Отдаться сиюминутному импульсу, отринув логику и разум. Не приводить доводы, не обдумывать каждый шаг, а просто брать, и делать» – концепция огня. Глупая, недальновидная, разрушительная... Знал я существ, живущих ею. Страшные они, даже людьми уже не назвать. Для меня – существа, жившего когда-то разумом и знаниями, концепция огня, буквально, противоречила природе. Но я овладел ей. Достаточно было вспомнить первый свой действительно глупый, импульсивный поступок.

Первый ритуал, проведенный по найденной в подвале отцовского дома отсыревшей книге. Призыв Вечных... Я рад, что отозвалась на Зов именно Калипсо, ведь ее гнев – самый мирный из всех. Тогда моя импульсивность, всего лишь, привела к смерти. Смертям. И уже тогда, на самой грани интуиции я понимал, что те, кто живут концепцией огня – редкостные придурки.

Смесь эмоций, вызванная воспитаниями тех дней. Предвкушение, алчность, страх, гнев... многое я тогда испытал. И всё это, в сумме, рождает искру где-то в глубине души. Первая одинокая искра, что открывает путь к пламени, сокрытому внутри каждого. У меня, спустя столетия забвения в морских пучинах, не плясало золотых языков в душе. Не стояло там адской жары. Лишь жалкий уголек, едва-едва тлеющий, но еще на что-то годный. С одной-единственной искры можно начать великий пожар, если знать, как правильно ее применить. А

я знал.

Резко разворачиваюсь и провожу вспыхнувшей оранжевым пламенем рукой по воздуху. Я не видел этого, но ощущал, как мерзкая слизь занимается пусть и не яростным, но жгучим огнем. Как легко растворяется она, поднося свою энергию в качестве закуски. А голод стихии... он неутолим. Слизь рвется, а концы ее продолжают гореть, и если мутанта я сожрать не позволю, он мне еще пригодится, то вот на той стороне... Жаль, я действительно хотел захватить их обоих. Уж больно интересные придатки присобачены к их душонкам. Сильные придатки... Даже кусочки их не сильно уступают в мощи моей душе.

Но это всё – дело будущего. Сейчас же нужно добраться до моря, и спокойно залатать там раны. И желательно больше не тянуть энергию из ядра души. Не знаю, что со мной сделала Калипсо, но, чтобы это что-то прижилось, лучше это что-то не тербить... так активно.

Но когда все получалось так, как мне того бы хотелось?

Едва впереди замаячила линия прибоя, и я отчетливо мог слышать этот приятный шелестящий звук, как спину мою прострелила острая боль, а душу охватило неземное блаженство. Удивительный контраст. Буквально сногшибательный...

Отплевываясь от песка, стараясь подспудно дотянуться до спины, откуда торчал еще один черный штырёк со стальной ручкой, я трижды успел проклясть чертову слизь. В фигуральном смысле, к сожалению.

- Капитан! – заорал слюнявый ублюдок, готовя очередной снаряд.

С его правой руки стекала невидимая в обычном мире субстанция, но отчетливо ощутимая в духовном. Вязкая, тягучая, липкая, она обволакивала предмет, погружала тот в себя, а после, когда парень замахнулся, выплёвывала, по полной используя пружинящие свойства этой дряни. От левой же конечности его тянулась куча липких нитей, расходящихся во все стороны от парня. Они проходили сквозь материальные предметы, сами собой огибали содержащие духовную энергию объекты, но находили свои цели.

- Кха! – второй штырь пробил легкое, угодив ровнехонько между ребер.

Линия прибоя уже впереди. Буквально три десятка шагов, и я на месте... Но я чувствую, как натягивает слизь, прикрепленная к ручкам торчащих из моей плоти снарядов. Как что-то мерзкое, склизкое и до безумия голодное пускает по духовным скрепам свою мощь. Оно вцепилось в добычу, и не хотело ее отпускать...

- Р-р-р-а-а-а!

Издав яростный крик, беглец покрылся огненным всполохами... Опять. Максимофф вновь почувствовал, как рвутся нити его силы. Утрата связи с помеченными объектами: не плавная, ослабевающая, к которой он привык, а резкая, словно молотом бьющая по оголённым нервам. И это только полбеда... Огненный шквал, будто одержимый злым духом, несся прямо на него... опять. Не удастся уйти, не выходит отклониться... И без того измотанный недавним противостоянием со стихией, Максимофф в очередной раз был вынужден обращаться к хаки, покрывая той руку. Пламя явно нацелилось на левую его конечность, и лишь тоненькая черная пленка не позволяла ему добраться до плоти... Но от боли она не защищала. Максимофф едва не терял сознание, но понимал, стоит сейчас дать слабину, и – всё. Без укрытия хаки пламя

сожрет его.

Скрепя зубами, и тихонько подвывая, он смотрел, как хромая и спотыкаясь к морю приближался их сегодняшний гость. За собой белокожий мужчина тащил изрядно пощипанного капитана в его гибридной форме, а тот позволял с собой так обращаться.

«Кайросеки... у него же мое оружие!» – сквозь боль осознал вдруг Максимофф. И сразу же пришло понимание, что факт утери одного из штырей не стоит афишировать во время отчетов. Или даже не одного...

Вот, из-за спины офицера показались ребята в черном. Обычные агенты, не способные угнаться за капитаном и старшим офицером, пусть и всего лишь четвертого ранга. Но тем не менее, подоспели они вовремя. Пляж оказался девственно чист. Ни засады, ни команды прикрытия, ни корабля. Даже захудалой шхуны, даже лодочки, и той не было. Голый безумец упорно шел вперед, к береговой линии. В никуда. И, конечно, это не могло не насторожить команду преследования.

Ребята в черном передвигались слаженно, аккуратно... небольшой кучкой из четырех человек. После всего увиденного – той бойни, что учинил один-единственный человек, находящийся в меньшинстве и не излучающий какой-либо мощи, они никак не могли рисковать поспешным нападением. Сумевший одолеть капитана Одеска – непререкаемый авторитет четвертого подразделения СП, и более того, захватить того в плен. Еще и в момент нахождения капитана в сильнейшей его форме! Мужчины едва ли понимали, что вообще могут противопоставить такому монстру, и лишь тот факт, что двигался он вяло, с трудом, оставляя после себя кровавые следы на песке, хоть немного, но внушал уверенность в своих силах.

Когда до воды оставалось всего лишь пара шагов, первый из агентов не выдержал. Оттолкнувшись от песка, он мигом сократил разделявшую их дистанцию, и даже дальше. Он не стал выдергивать капитана из плена, не зная способа его удержания. Напротив, он обогнал нарушителя, оказавшись с ним лицом к лицу...

Поза агента в черном была напряжена. Колени чуть согнуты, одна рука придерживала ножны катаны на боку, а вторая расслаблено лежала на рукояти оружия. Смерть напавшего на остров Святых, даже ценой жизни капитана отделения Сайфер Полл... Это достойно. Возможно, Мировое Правительство даже наградит одержавшего победу над столь грозным противником! Повысит в звании, наградит материально... Да только не было среди подчиненных Одеска идиотов, что не понимали бы: только капитан сумеет выжить после встречи с Драконами. И больше никто. Не будет капитана – не станет и их: отряд расформируют и устроят, за ненадобностью, а после соберут новый, поставив капитаном какого-нибудь офицера из центральных морей. Лишь живой Одеска мог обеспечить выживание отряда, после такого колоссального провала. Вторжение на остров оставалось незамеченным до самого конца. Вторженцев не сумели ликвидировать до их обнаружения Святыми. Вторженцы сумели уничтожить больше половины выделенных на охрану отрядов, одолев капитана подразделения... Если при таких фактах, они упомянут, что вторженец был всего один – то отряд не сможет спасти даже Одеска.

– Я... – мечник вновь хотел договориться. Он видел состояние противника, и понимал, что сумеет совладать с ним. Не было больше сухой потрескавшейся кожи, твердой, словно гранит. Не было мистического огня в глазах. Зато было много ран, была изможденность и худоба. На груди просвечивали ребра, из носа и рта струйками вытекала кровь, пузырьясь у самого краешка губ.

Едва новое препятствие открыло рот, как Джонс... плюнул. Кровью. Прямо в открытую пасть, отчего не ожидавший подобного агент выпучил глаза... и тут же свалился наземь, ухватившись руками за голову и громко при этом подвывая.

Дейви не было времени удивляться столь странной реакции на простейший сглаз головокружения. Линия берега была совсем рядом, а спину жгли взгляды преследователей. Они не станут больше общаться, пират понимал это. Они нападут.

«Ну и пусть!» – прозвучало в его голове, и вымученно улыбнувшийся Джонс сам подставился под удар, хоть и «видел» его.

Чья-то нога попала по одному из штырьков, отчего тот прошел дальше, пробив легкое еще и спереди. Но Дейви это уже не волновало. Сила удара швырнула его вперед, в объятия океана. В обитель его Богини.

– Вернулся, гадёныш?! – последнее, что услышал пират, смыкая веки и лишаясь сознания. Голос. Не ласковый шёпот или гневный вопль Калипсо, но шероховатая, скрипучая трель, казавшаяся Дейви знакомой, но при этом совсем уж неправильной.

<http://tl.rulate.ru/book/110651/4173574>